

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
//Художественная литература, Москва, 1959
FB2: Vitmaier, 2007-02-12, version 1.01
UUID: 6F63E7B4-DE1F-4E70-8F7D-4E2F6A97001C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

**Незавершенное, планы,
отрывки, наброски**
(Поэмы #0)

Содержание

Бова	0004
Исповедь	0016
Поэма о гетеристах (Иордаки)	0018
Актеон	0020
Вадим	0022
Бова	0031
Мстислав	0036
Агасфер	0040
Кирджали	0043
Казачка и черкес	0044
Езерский	0045
Юдифь	0065

**Александр Сергеевич
Пушкин**

**НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ПЛАНЫ,
ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ**

Бова

(Отрывок из поэмы)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллингския[1]
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камозэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмыслен-
ных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,

Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал, — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира Слабоумного.
(Так, бывало, верноподданны
Величали королей своих,

Если короли беспечные
Не в постеле и не ночкою
Почивали с камергерами.)
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И, в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором: —
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами

Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — Слушай-
те».

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонилися
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, — продолжал Да-
дон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного золотой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,

Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленький,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите
мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собранье призадумалось,
Все в молчанье потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать,
Знать, хотелось поседелому),
Громко крикнул, но одумался
И в молчанье закусил язык.
Ко лбу перст приставя тща-
тельно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,

Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильнее ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мирозор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадоном задремал со-
вет...
Захрапели многомыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатила
И о шпору вдруг ударила
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилась,
Отлетела в разные стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает все собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подымлетя,

*И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!*

*«Что тут думать, — закричал
герой, —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к черту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшись, —
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».*

*Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:
Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлись все придворные.
Ночь меж тем уже сгущалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,*

С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Все под ключ в комод спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночи обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комна-
ту.
Ждет, пождет девица красная;
Нет, как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же. Зо-
инька?
Видит — входят к ней в окошеч-
ко...
Кто же? друг ли сердца нежного?

Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навывкате,
Рот разинул, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шепотом
То, что век не мог я выучить:
Отче наш и Богородице,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившись,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением. —
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую».
«Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тут призадумалась:
За спасибо в темну яму сесть!
Это жестко ей казалось.
Но, имея чувства нежные,

*Зоя тайне согласилась
На такое предложение.*

*Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный!*

---

*Зоя молвила покойнику: —
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пронестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»
«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И, в постеле успокоившись,*

1⁸¹⁴

Примечания

Первое обращение Пушкина к сюжету популярнейшей в то время сказки о Бове-королевиче. Нисколько не заботясь о народности в содержании, языке, Пушкин, как было принято тогда, разрабатывал этот сюжет в веселом, легком, слегка эротическом духе, подражая Радищеву в его поэме «Бова». Необычный в тогдашней поэзии стихотворный размер (не рифмованный четырехстопный хорей с дактилическим окончанием), приближающийся к размеру некоторых русских народных песен, Пушкин заимствовал у Карамзина (начало поэмы «Илья Муромец»). Характерно для юноши Пушкина в этой поэме крайне непочтительное отношение к царям и их приближенным. Пушкин не стал продолжать Бову, по-видимому, узнав, что поэт Батюшков собирается писать поэму на тот же сюжет.[2]

Исповедь

*Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам игумен строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепещет луч лампы,
И тускло озаряет он
И темну живопись икон,
И позлащенные оклады.*

*И раздаётся в тишине
То тяжкий вздох, то шепот важ-
ный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влаж-
ный.*

*Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба —
И шепот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.*

М о н а х

*Несчастный — полно, пере-
стань,
Ужасна исповедь злодея!*

*Заплачена тобою дань
Тому, кто, в злобе пламеня,
Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! время, время,
Раскаянья покров
Я разрешу тебя — грехов
Сложи мучительное бремя.*

1823

Примечания

По-видимому, начало поэмы. Ситуация (грешник исповедуется ночью монаху) напоминает «Гяура» Байрона (позже не раз была использована Лермонтовым). Содержание этой исповеди и было, очевидно, темой поэмы.

Поэма о гетеристах (Иордаки)

План

Два арнаута хотят убить Александра Ипсиланти. Иордаки убивает их — поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство — Он принимает начальство и идет в горы — преследуемый турками — Секу.

Набросок начала поэмы

*Поля и горы ночь объемлет
В лесу в толпе своих
Под темной сению небес
Ипсиланти дремлет*

1821—1822

Примечания

В поэме, судя по плану, Пушкин хотел воспроизвести некоторые драматические эпизоды греческого восстания против турок. Действие поэмы начинается в ночь бегства Александра Ипсиланти, вождя восстания, изме-

нившего своим соратникам и убежавшего в Австрию. Горой поэмы — Иордаки (настоящее имя его было — Георгаки) спасает Ипсиланти от убийц, и после его бегства греки, под его начальством, отступают в горы. Осажденный турками в монастыре Секу, Иордаки героически гибнет, взорвав монастырь вместе со своим отрядом и осаждавшими его турками.

Актеон

План

Морфей влюблен в Диану — Его двор — он мусыпляет Эндимиона — Диана (пр.) назначает ему свидание и находит его спящим —

..... Актеон это узнает от Феоны, ищет Диану, не спит — наконец видит Диану в источнике.

Актеон, un fat, après avoir séduit Théone Naïade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane — Théone médit Morphée etc. etc. Актеон voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone —[3]

Набросок начала поэмы

*В лесах Гаргафии счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремился долго Актеон.
Уже на тихий небосклон*

*Восходит бледная Диана,
И в сумраке пускает он
Последнюю стрелу колчана.*

1822

Примечания

Судя по плану, — замысел шутливой поэмы, в сюжете которой объединялись в свободной обработке несколько разных античных мифов. Герой поэмы Актеон намечался в плане как уверенный в успехе соблазнитель, наказанный за свои любовные похождения.

Вадим

Свод неба мраком обложился;
В волнах варяжских лунный луч,
Сверкая меж вечерних туч,
Столпом неровным отразился.
Качаясь, лебедь на волне
Заснул, и все кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило,
И блещет пена при луне;
Летит испуганная птица,
Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница
Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
Один, смиренный житель волн,
Гребет и к югу правит челн;
Другой, как волхвом пораженный,
Стоит недвижим; на берега
Глаза вперив, не молвит слова,
И через челн его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывут...
«Причаливай, старик!
К утесу правь», — и в волны вмиг
Прыгнул пловец нетерпеливый

И берегов уже достиг.
Меж тем, рукой неторопливой
Другой ветрило опустив,
Свой челн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет
И входит медленной стопой
На берег дикий и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины,
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Простер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,

Одежда, обувь — все являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блится младость

В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость

Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.

Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падающие до плеч...
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом.

Уста невнятные шепчут звуки.
Предмет великий, роковой
Немые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной,
Он тайному призыву внемлет...

Проходит ночь, огонь погас,

*Остыл и пепел; вод пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на славянина.*

*Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды
Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов исступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы героев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии печальной,
Ни Альбиона, где искал
Кровавых сеч и славы дальней;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы,*

И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;
Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина,
Он узнает ее щиты,
Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забывшим в долги дни разлуки,
Которых уж и в мире нет.
Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд,
Все мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят.
И вот высокая светлица...
В нем сердце бьется: «Здесь иль
нет
Любовь очей, душа девица,
Цветет ли здесь мой милый цвет,
Найду ль ее?» — и с этим словом
Он входит; что же? страшный
вид!
В достеле хладной, под покровом

Девушка мертвая лежит.
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподымает он,
Глядит: она! — и слабый стон
Сквозь тяжкий сон его раздался...
Она... она... ее черты;
На персях рану обнажает.
«Она погибла, — восклицает, —
Кто мог?..» — и слышит голос:
«Ты...»

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка.
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба вольная впадает
В тяжелый невод старика;
Все тихо: море почивает,
Но туча виснет; дальний гром
Над звучной бездною грохочет,
И вот пучина под челном
Кипит, подьмется, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет,
Челнок трещит и — пополам!

Рыбак идет на дно морское.
И, пробудясь, трепещет он,
Глядит окрест: берега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы,
И рассвело — но славянин
Еще на мшистом камне дрем-
лет,
Пылает гневом гордый лик,
И сонный движется язык.
Со стоном камень он объемлет...
Тихонько юношу старик
Ногой толкает осторожной —
И улетает призрак ложный
С его главы, он восстает
И, видя солнечный восход,
Прощаясь, старику седому
Со златом руку подает.
«Чу, — молвил, — к берегу родно-
му
Попутный ветер тебя зовет,
Спеши — теперь тиха пучина,
Ступай, а я — мне путь иной».
Старик с веселою душой
Благословляет славянина:

*«Да сохранят тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный;
Будь здоров до гроба, долго юн,
Да встретит юная супруга
Тебя в веселье и слезах,
Да выпьешь мед из чаши друга,
А недруга низринешь в прах».
Потом со скал он к челну сходит
И влажный узел развязал.
Надулся парус, побежал.
Но старец долго глаз не сводит
С крутых прибрежистых вершин,
Венчаных темными лесами,
Куда уж быстрыми шагами
Сокрылся юный славянин.*

1⁸²²

Примечания

Одна из попыток создать образ романтического героя на материале из русской истории. По недостоверному летописному сказанию, Вадим поднял в 863 г. восстание в Новгороде против варяжского князя Рюрика; восстание было подавлено, и Вадим убит. Это предание послужило темой ряда произведений XVIII и

начала XIX в., и образ вождя новгородцев Вадима, трактованный, с различных точек зрения, вошел в тогдашнюю литературу. Пушкин начал в 1821 г. писать о нем трагедию и бросил, написав немногим больше двадцати стихов — ночной разговор на могиле новгородского посадника Гостомысла тайно вернувшегося из изгнания Вадима со своим единомышленником Рогдаем. Судя по сохранившемуся началу плана поэмы[4], эта сцена должна была стать содержанием второй песни «Вадима». В третьей песне должен был быть свадебный пир у Рюрика и неожиданное появление на нем Вадима. Дальнейшее содержание поэмы неизвестно.

Пушкин напечатал большую часть написанной им первой песни поэмы без указания в заглавии (и в тексте), что герой ее — Вадим.

Бова

Планы

И Зензевей осажден Маркобруном — Бова слышит и едет — ночью дерется с воинами — с Лукапером и возвращается; раненый приезжает — рассказывает свою историю — смерть Гвидона — темницу — любовницу — побег, взятие его разбойниками — продан Зензевею — на другую ночь она его сажает на коня — он разбивает войско — Зензевей по наущению посылает его к Маркобруну — он обокраден волшебником — приезжает к Маркобруну — Мельчигрея влюбляется в него, предлагает руку — Бова в темнице находит меч, — к нему посылают палача, он его убивает и выходит вон — за ним погоня — он с Полканом разбивает ее — Булат рассказывает ему сказки —

Маркобрун в отсутствие осаждает город и берет в плен Дружневну.

Бова на море разбойничает — находит пилигрима, который отдает ему коня и 3 зелия — приезжает в царство Зензевея — оно разорено — едет к себе — убивает

II

Бова на престоле отца своего.

III

Осада — ночь на башне — бой; жених убит — невеста влюбляется, Бова проводит ночь у нее, открывает свою историю. Царь узнает и высылает вон Бову — Бова едет вон из государства — освобождает разбойника — 3 службы — старец пилигрим обкрадывает его спящего — на границах бывшего женихова удела — воины его находят, приводят царю — Бова в темнице, царевна его обольщает — он ее презирает — *(она чародейка, старец дух, ею подосланный)*. Бова осужден на смерть — *первая служба*. Он видит корабль и едет к себе — буря — корабль разрушен — *вторая служба* — приезжает, убивает Дадона. Едет к *невесте*, находит пилигрима, берет у него три зелия. *По сказке.*

Перечень действующих лиц

Бова

Сувор

Милитриса

Дадон

Гвидон
Мельчигрея
Дружневна

Наброски начала поэмы

I

*Кого союзником и другом
Себе ты выбрал, Зензевей,
Кто будет счастливым супругом
Царевны, дочери твоей —
Она мила, как ландыш мая,
Резва, как лань Кавказских гор*

II

*Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевея,
Поля и села зажжены —*

III

*Народ кипит, гремят народны
клики
Пред теремом грузинского влады-
ки —
Съезжаются могучие цари,*

*Царевичи, князья, богатыри —
Царь Зензевей их ласково встреча-
ет,
Готовит пир — и ровно сорок дней
Своих гостей он пышно угощает*

1822

Примечания

Второе обращение Пушкина к сюжету сказки о Бове-королевиче (первое — в 1814 г.; третье — в 1834 г.; см. Планы и отрывки сказок). Он разработал два разных варианта плана и три варианта начала поэмы. Судя по планам, Пушкин, в отличие от «Руслана и Людмилы» и поэмы о Мстиславе, хотел ограничиться только поэтическим пересказом известной сказки, меняя кое-где довольно сложную и запутанную ее композицию, но не вводя в сюжет ничего нового (за исключением того, что во втором плане царица Мельчигрея оказывается чародейкой, а пилигрим, обокравший Бову, — подосланным ею духом). Наброски начала показывают, что Пушкин не намеревался в своей поэме воспроизводить

стиль народного рассказа — они написаны
обычным стилем пушкинской поэмы.

Мстислав

Планы

I

План. Владимир, разделив на уделы Россию, остаётся в Киеве; молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня — печенеги нападают на Киев — Владимир посылает гонцов к сыновьям — дети его собираются — кроме *Мстислава*, Илья едет за ним — встречает своего сына — сражается с ним — Мстислав — при нем молодые богатыри — идут на *косоков* — Мстислав в горах. Оставленные богатыри разъезжаются — Илья едет далее — находит его и везет к отцу — Царевна за ними едет — она пристаёт к печенегам — Сражение — *de grands combats et des combats encore*[5]: а) На Киев нападают соединенные народы — б) Боги языческие, изгнанные крещением, их одушевляют.

II

Илья хочет представить сына Владимиру — вместе едут —

Царевна косогов влюбляется в Мстислава — Ее мать волшебница: старается заманить Мстислава, Мстислав упорствует ее прелестьям — она в сражении его увлекает — под видом косога, убившего его друга; превращается вновь. Мстислав на острове наслаждений. Гонец приезжает к его дружине, не застает его. Владимир в отчаянии.

~—

Царевна жалуется своей матери, та обещает соединить ее с Мстиславом.

~—

Илия в молодости обрюхатил царевну татарскую — она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца.

III

Илия находит пустытника, который пророчествует ему участь России.

Мстислав увлечен чародейством в горы Кавказские.

На Россию нападают с разных сторон все враги ее.

Мстислав по вечерам видит *ладью* и *деву*.

Примечания

Существует только план этой поэмы. Пушкин, вероятно, и не начинал ее писать, хотя о своем намерении рассказать о сыне Владимира Святого князе Мстиславе он говорил в эпилоге «Кавказского пленника».

Быть может, повторит она (муза. — С. Б.)

*Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних
стран,*

Мстислава древний поединок...

В примечании к этому месту эпилога Пушкин сообщил о Мстиславе некоторые сведения, почерпнутые из «Истории государства Российского» Карамзина. Судя по плану неосуществленной поэмы о Мстиславе, Пушкин, очевидно, хотел в этой поэме соединить элементы подлинной истории (о разделении Киевского государства на уделы, о набегах печенегов, о сражениях Мстислава с косогами и т. п.) с мотивами и образами народных былин об Илье Муромце и Добрыне, о бое Ильи с сы-

ном и т. п. и, кроме того, ввести собственные эпизоды и образы — в духе традиционных тогда волшебных сказок западноевропейского типа, а также хорошо знакомые ему картины Кавказа.

Агасфер

*В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло все под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. — Вдруг рукой тя-
желой
Стучатся к ним. Семья вздрогну-
ла,*

*Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох.*

1⁸²⁶

Примечания

Планов этой поэмы не сохранилось. О замысле ее мы узнаем из очень неполной и несовершенной записи рассказа Пушкина в дневнике приятеля Мицкевича Ф. Малевского, присутствовавшего при рассказе (подлинник по-польски): «19 февраля 1827... Пушкин. О своем „Juif errant“.[6] В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: „Не плачь. Не смерть, жизнь ужасна. Я — скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался“. При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи» («Литературное наследство» 1952, т. 58, стр. 266).

В поэме Пушкин единственный раз в своей поэзии применил нерифмованный четы-

рехстопный ямб.

Кирджали

*В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.*

1⁸²⁸

Примечания

Планов этой поэмы не сохранилось. Под этим заглавием Пушкин позже, в 1834 г., написал прозаическую повесть.

Казачка и черкес

План

Станица — Терек — за водой — невеста — черкес на том берегу — она назначает ему свидание — он хочет увезти ее — тревога — бабы убивают молодого черкеса — берут его в плен — отсылают в крепость — обмен — побег девушки с черкесом.

Отрывок текста

Полюби меня, девица

Нет

Что же скажет вся станица?

Я с другим обручена.

Твой жених теперь далече

1829

Примечания

Связь наброска «Полюби меня, девица» с планом поэмы о любви черкеса и казачки предположительна.

Езерский

I

*Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал,
Дышало небо влажным хладом,
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной строй-
ной,
Как челобитчик беспокойный
Об дверь судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Все становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет...
Однако ж род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать не худо, господа.*

II

*Начнем ab ovo[7]: мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода,*

*Гласит Софийский хронограф.
При Ольге сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде
С рукою греческой княжны;
От них два сына рождены:
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб; а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.*

III

*Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью.
Он в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар;
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в кучу их
С дружиной суздальцев своих.*

IV

*В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамомл и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе
Служили князям и царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сицких пересев.*

V

*Когда ж от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Когда под мирною державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе.
При императоре Петре...
Но извините: статья может,
Читатель, я вам досадил:
Наш век вас верно просветил,*

*Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой...*

VI

*Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав Удамый, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам все равно — конечно так,
Вы презираете отцами,
Их древней славою, правами
Великодушно и умно,
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь, как общей пользы друг,
Ценою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.*

VII

*Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.*

Но каюсь: новый Ходаковский[8].
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался, — видит бог, —
Отвыкнуть я никак не мог.

VIII

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей По-
жарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин,[9]
Что русский ветреный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды, хоть спроста
Из бар мы лезем в tiers-etat[10],
Хоть нищи будут наши внуки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

IX

*Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьей дружной
В довольстве, в тишине досуж-
ной,
Старая близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!*

X

*Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел пятнадцать тысяч душ.*

Из них отцу его досталась
Осьмая часть — и та сполна
Была сперва заложена,
Потом в ломбарде продавалась...
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

XI

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистра-
тор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир.

XII

Заметят мне, что есть же раз-

ность
Менаду Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сена-
тор,
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

XIII

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?

*Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.*

XIV

*Исполнен мыслями златыми,
Не понимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.*

XV

*Скажите: экой вздор, иль bravo,
Иль не скажите ничего —
Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего*

*В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
Довольно смиренный и простой,
А впрочем, малый деловой.*

1832^{—1833}

Примечания

Сюжет этого произведения (не имеющего в рукописи заглавия и названного редакторами по имени главного героя) неизвестен, так как никаких планов его не сохранилось. Некоторую связь оно имеет с «Медным всадником», куда перенесен ряд стихов из «Езерского». Но отождествлять эти два различных замысла нельзя: «Медный всадник» — законченная небольшая поэма, меньше пятисот стихов, а «Езерский» — крупное произведение. Одна родословная его героя (еще до начала действия) занимает более двухсот стихов. По-ви-

димому, закончив в 1831 г. «Евгения Онегина», Пушкин предполагал написать второй «роман в стихах». Об этом, помимо предполагавшихся обширных размеров произведения и примененной в нем той же «онегинской строфы», нигде более не использованной Пушкиным, говорит и прямое указание самого поэта в одном из черновиков «Езерского»:

*...Имею право
Избрать соседа моего
В герои нового романа,*

и т. д.

По рукописям видно, что Пушкин долго колебался, сделать ли своего героя бедным чиновником (к чему он и пришел в конце концов), или богатым баринном.[11] В написанное Пушкиным начало романа, кроме рассказа о предках его героя, включены его рассуждения о потомственном, родовитом дворянстве, о предпочтении «ничтожного героя», чиновника — «коллежского регистратора» — романтическим возвышенным героям и возвышенным предметам и о свободе поэтического творчества.

В строфах о выборе в герои романа (или поэмы) обыкновенного человека, мелкого чиновника, Пушкин отстаивает перед критикой, разделяющей романтические представления о литературе, реалистическое направление с его интересом к обычной действительности, которому следовал он сам, начиная с середины 20-х гг. Наконец, спор о свободе поэтического выбора ведется против реакционной критики, усердно навязывавшей в эти годы Пушкину благонамеренные темы и морально-воспитательные задачи. Под «толпой» Пушкин разумел основную массу читателей 30-х гг. — реакционных обывателей, помещиков и чиновников.

Из ранних редакций

Варианты начальных строф романа

*Над Петербургом омраченным
Осенний ветер тучи гнал;
Нева в течение возмущенном,
Шумя, неслась. Упрямый вал,
Как бы проситель беспокойный,
Плескал в гранит ограды строй-
ной*

*Ее широких берегов.
Среди бегущих облаков
Вечерних звезд не видно было —
Огонь светился в фонарях,
По улицам взвивался прах
И буйный вихорь выл уныло,
Клубя капоты дев ночных
И заглушая часовых.*

*

*В своем роскошном кабинете
В то время Рулин молодой
Сидел один при бледном свете
Одной лампы; ветра вой,
Волненье города глухое
Да бой дождя в окно двойное,—
Всё мысли усыпляло в нем.
Согретый дремлющим огнем,
Он у чугунного камина
Дремал —
Видений сонных перед ним
Менялась тусклая картина...*

*

*Вбежав по ступеням отлогим
Гранитной лестницы своей,
В то время Волин с видом стро-
гим*

Звонил у запертых дверей
И трёс замком нетерпеливо.
Дверь отворилась, он бранчиво
Андрею выговор прочел
И в кабинет, ворча, пошел.
Андрей принес ему две свечи.
Цербер, по долгу своему
Залав, прибежал к нему
И положил ему на плечи
Свои две лапы — и потом
Улегся тихо под столом.

*

Порой сей поздней и печальной
(В том доме, где стоял и я)
Один при свете свечки сальной
В конурке пятого жилья[12]
Писал чиновник — скоро, смело
Перо привычное скрипело —
Как видно, малый был делец —
Работу кончив наконец,
Он стал тихонько раздеваться,
Задул огарок — лег в постель
Под заслуженную шинель —
И стал мечтать...
Но может статся
Захочет знать читатель мой,
Кто сей чиновник молодой.

Порой сей поздней и печальной
 В том доме, где стоял и я,
 Неся огарок свечи сальной,
 В конурку пятого жилья
 Вошел один чиновник бедный,
 Задумчивый, худой и бледный.
 Вздохнув, свой осмотрел чулан,
 Постелю, пыльный чемодан,
 И стол, бумагами покрытый,
 И шкаф со всем его добром;
 Нашел в порядке все; потом,
 Дымком своей сигарки сытый,
 Разделся сам и лег в постель
 Под заслуженную шинель.

Строфы, не вошедшие в последнюю редак-
 цию (строфы IV и след.)

Во время смуты безначальной,
 Когда то лях, то гордый швед
 Одолевал наш край печальный,
 И гибла Русь от разных бед,
 Когда в Москве сидели воры,
 А с крулем вел переговоры
 Предатель умный Салтыков,

*И средь озлобленных врагов
Посольство русское гадало,
И за Москву стоял один
Нижегородский мещанин, —
В те дни Езерские немало
Сменили мнений и друзей
Для пользы общей (и своей).*

*

*Когда средь Думы величавой
Приял Романов свой венец,
И под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
Опять в чинах и при дворе.
При императоре Петре
Один из них был четвертован
За связь с царевичем, другой,
Его племянник молодой,
Прощен и милостью окован,
Он на голландке был женат
И умер знатен и богат.*

*

*Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство*

Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было
прежде,
Долой кафтан кургузый. Нет!
Примером нам да будет швед».
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно средь бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, средь тех же вод.

*

И тут Езерские возились
В связи то с этим, то с другим,
На счастье Меншикова злились,
Шептали с хитрым Трубецким,
И Бирон, деспот непреклонный,
Смирял их род неугомонный,
И Долгорукие князья
Бывали втайне им друзья.
Матвей Арсеньевич Езерский,
Случайный, знатный человек,
Был очень славен в прошлый век
Своим умом и злобой зверской.
Имел он сына одного
(Отца героя моего).

Варианты стрóf VI—IX (о дворянстве)

*

*К тому же это подражанье
Поэту Байрону: наш лорд
(Как говорит о нем преданье)
Не только был отменно горд
Высоким даром песнопенья,
Но и рожденья Ламартин
(Я слышал) также дворянин,
Юго — не знаю В России же мы все
дворяне,
Все, кроме двух иль трех, зато
Мы их не ставим ни во что.*

*

*Мне жаль, что дома наши новы,
Что выставляют стены их
Не льва о мечом, не щит гербовый,
А ряд лишь вывесок цветных,
Что наши бабушки и деды
Для назидательной беседы
С жезлами, с розами, в звездах,
В роброндах, в латах, париках
У нас не блещут в старых рамах
В простенках светлых галерей;*

*Мне жаль, что шайка торгашей
Лягает в плоских эпиграммах
Святую нашу старину*

Другая редакция конца строфы:

*Что мы в свободе беспечальной
Не знаем жизни феодальной
В своих поместьях родовых
Среди подручников своих,
Мне жаль, что мы, руке наемной
Вверяя чистый свой доход,
С трудом в столице круглый год
Влачим ярмо неволи темной,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.*

Варианты продолжения романа в черно-
вых рукописях

*

*Он одевался нерадиво,
На нем сидело все не так,
Всегда бывал застегнут криво
Его зеленый узкий фрак.
Но надо знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник,
Не только малый деловой...*

Во фраке очень устарелом
Он молча, сидя у бюро,
До трех часов в раздумье зрелом
Чинил и пробовал перо.
Вам должно знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник;
Свои статьи печатал он
В «Соревнователе». Влюблен
Он был в Коломне по соседству
В одну лифляндочку. Она
С своею матерью одна
Жила в домишке, по наследству
Доставшемся недавно ей
От дяди Франца. Дядя сей...

Но от мещанской родословной
Я вас избавлю — и займусь
Моею повестью любовной,
Покамест вновь не занесусь.

Юдифь

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретисцем алтарь;
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям гор-
ным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.

И, над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недоступимой вышине.

*Сатрап смутился изумленный —
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный
Он — любопытный — спросил:
«Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?..»
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
И рек — и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.*

1⁸³⁶

Примечания

По-видимому, последнее обращение Пушкина к жанру поэмы. Сюжетом он взял легенду о библейской героине Юдифи, красавице, явившейся к ассирийскому сатрапу Олоферну, державшему в долгой осаде еврейскую крепость Ветилую. Юдифь обольщает Олоферна и во время сна после пиршества отрубает ему голову, после чего ассирийское войско бежит, и крепость спасена. Героическому содержанию поэмы соответствует архаическая тор-

жественная поэзия ее языка.

1

С болтуном, страны Эллинския — Гомером.

[^^^]

В письме к Вяземскому от 27 марта 1816 г. Пушкин говорит, что Батюшков «завоевал» у него Бову. (Батюшков также не написал поэмы о Бове.)

[^^^]

3

Фат, соблазнив наяду Феону, расспрашивает ее о любовных приключениях Дианы. Феона наговаривает на Морфея и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в нее, застаёт ее во время купанья, умирает в пещере Феоны (*франц.*).

[^^^]

4

Дошедшая до нас песнь поэмы отходит от плана: Пушкин отказался от эпизода с покушением рыбака на убийство Вадима.

[^^^]

5

Большие сражения и снова сражения (*франц.*)

.

[^^^]

6

Странствующий еврей (*франц.*), иначе: «Вечный Жид» прозвище легендарного Агасфера.

[^^^]

7

Ab ovo — самого начала (*лат.*).

[^^^]

Ходаковский — Известный любитель древностей. (*Прим. А.С.Пушкина.*).

[^^^]

Что их поносит шут Фиглярин. — Этим именем в журналистике пушкинского окружения называли Ф. В. Булгарина, популярнейшего романиста, издателя самой распространенной газеты «Северная пчела», беспринципного, реакционного публициста и тайного агента жандармского отделения.

[^^^]

Tiers-etat — третъе сословие (*франц.*).

[^^^]

Впрочем, возможно, что этот богач (Рулин или Волин, как он назван в рукописях) по ходу романа должен был разориться и превратиться в бедняка.

[^^^]

...пятого жилья... — Пятого этажа.

[^^^]